

Сезон зверобоя.

Автор Дина Демирхан, Берлин-Бишкек

В этот день в Берлине стояла ненастная, дождливая и холодная погода. Несмотря на высокое лето, которое здесь наступало вместе со цветением зверобоя, уже почти месяц над городом висели грозовые тучи. Самара сидела в одном из кафе на Потсдамер Плац в ожидании начала кинофильма «Великий Гэтсби». До начала оставалось чуть больше часа. Устроившись уютно за столиком, стоявшим в самом углу кафе, где только стеклянные стены отделяли уют кафе от холода и сырости на улице, она заказала себе чашку молочного кофе. Это был кофе с большим количеством молока, и оно подавалось в большей нагретой фарфоровой чашке. Она любила такой кофе. Официант принял заказ и быстро вернулся с подносом, на котором находилась большая оранжевая чашка с ароматным напитком. Самара поблагодарила его, придвинула к себе чашку и отпила из нее. Кофе увеличивало ощущение уюта. На столе горела маленькая свечка, размещённая в квадратном красном стеклянном футляре. Кафе шумело голосами посетителей, обслуживающего персонала за барной стойкой, откуда доносился перезвон посуды. Негромко, но и не тихо лилась музыка из динамиков. Словом, обычная обстановка обычного берлинского кафе в хорошем районе, где много туристов и посетителей. Самара стала спокойно наблюдать через стеклянные стены за проходящими мимо кафе людьми на улице. Она пришла в современный центр Берлина, где располагалось множество кинотеатров с большим выбором фильмов с желанием посмотреть новый художественный фильм об

американской тюрьме в Гуантаномо бей на Кубе. Некогда остров Свободы превратился в печальное место насильственного пристанища для узников-исламистов со всего мира. Накануне утром она услышала по радио объявление о том, что молодые немецкие кинематографисты сняли фильм о реальной истории жизни гражданина Германии с турецкими корнями Мустафу Яшара. В самый разгар войны в Афганистане он был арестован и похищен американскими спецслужбами на территории Пакистана и заточен на долгие пять лет в военной тюрьме в Гуантанамо. Его заподозрили в антиамериканской террористической деятельности. Как позже выяснилось, тогдашним немецким властям было известно об этом случае. Как раз в эти же дни заключенные Гуантанамо объявили массовую голодовку протеста против бесчеловечного обращения, передавали новостные службы мира. И фильм о жизни в заточении гражданина Германии как нельзя лучше подходил к текущим событиям в тюрьме Гуантанамо. История о похищении и заточении в американской тюрьме на Кубе и о последующем освобождении за недоказанностью вины немецкого гражданина вызвало большую шумиху во время прошедших политических выборов в немецкий парламент. По многим каналам национального телевидения шли острые дебаты на тему нарушения прав человека. Аналогичная история произошла и с другим мусульманином- гражданином Канады. Канадца также продержали много лет в тюрьме без доказательств вины, но в конце-концов вынуждены были выпустить на свободу. Тогда канадское правительство публично принесло ему свои извинения и выплатило многомиллионную компенсацию за нанесённый ущерб. Но это касалось только граждан стран с демократическими правительствами, где заявления о

защите прав человека носили недеklarативный характер. «Это и есть проявление демократии», - подумала Самара. «А сколько таких или подобных им молодых людей могли томиться в Гуантаномо бей?», - продолжала размышлять она. Среди них могли быть и её земляки, затянутые в чужую войну опасной пропагандой. Ответа не было. Случай с немецким мусульманином защитники прав человека в стране расценили как угрозу основным правам человека. А это уже угрожало фундаментальным принципам демократического общества и безопасности всех граждан в конечном счёте. Самара живо интересовалась политическими событиями в мире и постоянно отслеживала текущую информацию, связанную с конфликтами на этнической и религиозной почве. Проблема конфликта цивилизаций оставила свой след и в её судьбе. Особенно её задевала несправедливость в отношении более слабых, неважно какой бы национальности или религии те не были. Кроме того, в последние годы всё больше и больше молодых мужчин и женщин из её родного региона Центральной Азии вовлекались в различные политические движения исламистского толка, привносимых извне эмиссарами из дальних мусульманских стран. Молодёжь толкали на опасный путь радикализма в основном социальная несправедливость, бедность, безработица, царившие в их странах после развала СССР. Молодые парни и девушки искали себе работы и лучшего будущего за границей, уже не надеясь на улучшение жизни на родине. Сельских ребят вербовали в многочисленных мечетях и собраниях групп новоявленные муллы, призывая к религиозной войне против «современных крестоносцев». Влияние исламистов в регионе неуклонно расширялось, не оставляя места для инакомыслящих, что особенно тревожило Самару. На лицо был старый конфликт между

Западом и Востоком, «которым никогда не сойтись», ей вспомнились слова британского классика недавней колониальной эпохи. «А так ли это? Они борются с демократией религиозными призывами, но сами понятия не имеют, что это такое на самом деле...», - рассуждала она.

Однако, к большому сожалению и непонятно почему, но ожидаемого фильма не оказалось в обширном репертуаре кинотеатра, хотя в Интернете и висело объявление именно с названием этого известного городского кинотеатра. «Ну что же, вернусь домой и посмотрю по Интернету другие адреса в городе, где еще можно увидеть этот фильм», - утешительно подумала она. В эти же дни на экраны кинотеатров страны вышел новый голливудский фильм с её любимым актёром в главной роли. Роман Скота Фитцджеральда «Великий Гэтсби» Самара читала много лет назад. И потому ей было интересно посмотреть его новейшую экранизацию. Ожидание нового и интересного подбодрили её. Она ещё раз отпила из яркой чашки вкусный кофе и посмотрела в ту сторону улицы, где разместился торговец с горой разноцветных надувных шариков на длинном шесте. Он стоял рядом со входом в большой торговый центр «Аркаден», держа в руках металлический шест с надувными зверушками разных мастей, цветов и калибров. Надувные собачки, рыбки, птички мерно раскачивались из стороны в сторону. Самара подумала: «Как можно так привязать такое количество шаров друг к другу, чтобы потом без труда можно было их распутать и развязать?» Было похоже на то, что прохожие не торопились раскупать шарики. По-осеннему ненастная погода с холодным усиливающимся ветром и дождем совсем не способствовала уличной торговле.

Времени до начала киносеанса было предостаточно. Самара взяла сотовый телефон и, найдя в списках имя своей землячки Жанны, нажала на кнопку набора. В ответ прозвучала музыка и последовал автоответ, что нужно перезвонить позже или оставить сообщение. Уже несколько раз в течение последних дней она пыталась дозвониться до Жанны, но безуспешно. Это несколько озадачило Самару. Обычно такого раньше не было, чтобы Жанна не перезванивала ей. Номер телефона был ей известен. Он всегда высвечивался при звонке на другом конце. «Что же могло случиться?»- уже который раз задала себе вопрос Самара. Дело в том, что они с Жанной разговаривали по телефону чуть больше 10 дней тому назад и договорились о встрече для покупки новой косметической продукции фирмы «Мерри Кей», чьим дистрибьютером та была уже пару лет. Жанна собиралась поехать в командировку с одним из своих многочисленных друзей. «Опасная у неё работа,»- рассуждала Самара, пытаясь разгадать причину долгого молчания молодой женщины. «Смотря какой «друг» попался. Много историй, когда девушек, работающих в эскорте или по вызову, потом находят убитыми и закопанными в лесу, или припрятанными в других местах»,- промелькнуло у неё в голове. Полиция периодически выбрасывала такие сообщения в средства массовой информации. Часто жертвами сексуальных преступлений становились молодые мигрантки. «Не дай Бог!»- подумала она.

С Жанной, молодой привлекательной женщиной чуть больше 30 лет, она познакомилась 5 или 6 лет тому назад на немецких языковых курсах в Потсдамском университете. Жанна более 10 лет жила в Берлине и уже много лет зарабатывала себе на жизнь работой в секс-

эскорте. Она, гонимая из родины безрадостным существованием и с большими надеждами найти себе счастья в чужой стране, приехала в Германию из маленького кыргызского села, что под Бишкеком, по международной программе Au-pair в качестве бейбиситера. Но с немецкой семьей у неё не заладилось. Она должна была ухаживать за двумя маленькими детьми, убираться в большом двухэтажном доме, готовить на всю семью, а взамен семья обязывалась оплачивать ей курсы немецкого языка, обеспечить кровом и пропитанием. На руки она могла получать небольшие деньги. И у неё для себя оставался один выходной день в неделю. Как Жанна позже рассказала, хозяйка приревновала её к своему мужу. Найдя какой-то пустяковый повод, она бесцеремонно выставила девушку на улицу, не предоставив никаких компенсаций за преждевременно прерванный контракт. Таких или подобных историй можно было насчитать во множестве. Девушки, приезжавшие по программе Au-pair, нередко подвергались дискриминации в местных семьях. Они вынуждены были терпеть порой и дурное обращение, и прямую эксплуатацию. Многие не выдерживали и возвращались назад домой. Но Жанне было стыдно возвращаться в родное село. Она была уверена, что над ней будут смеяться все знакомые и незнакомые, сельчане и бывшие одноклассники. Жанна также очень боялась гнева родителей, которых она же в своё время заверила в успехе предприятия в Германии, и уговорила заплатить немалые деньги одной бишкекской фирме, предлагавшей программу ау-пер и подыскавшей ей семью с 2 двумя детьми в Берлине. Она считала, что это был её реальный шанс заработать деньги, пожить за границей в цивилизованной Европе и наконец-то выбиться в люди на зависть своим односельчанам.

С тех пор прошло много лет. Как быстро пролетело время, она и сама не успела заметить. Впервые после долгой разлуки полтора года назад Жанна съездила домой навестить родных в Кыргызстан. Но месячное пребывание в отчем доме произвели на неё удручающее впечатление. Все попытки завязать хорошее знакомство с целью выйти замуж и завести свою семью, провалились. Родители перед возвращением блудной дочери к родному очагу заранее нашли через знакомых молодого человека по имени Айбек, который был единственным сыном у зажиточных родителей, державших в соседнем аиле большое и доходное хозяйство. По рассуждениям родителей Жанна и Айбек хорошо подходили друг другу по возрасту и образованию. Жанна летела в Бишкек, предвкушая возможное замужество, о котором она уже давно мечтала. Как-то раз она сказала Самаре с болью в голосе, что ей тоже хочется иметь семью, мужа и детей. Ей уже было больше 30 лет. И всё её подружки и одноклассники в Кыргызстане давным-давно уже повыходили замуж и переженились. Ей было тем более обидно, что её недавний друг, кыргызский парень из Нарына, не так давно женился на девушке из далекого сибирского города, которая уже родила ему дочь. На её месте должна была быть она. И этот ребёнок тоже мог быть её ребенком. С Кайратом она прожила совместно почти два с половиной года. Разное было у них в жизни. Были и сцены ревности, и драки, но она уже надеялась, что те притерпелись и пообвыкли друг к другу. Она надеялась, что они поженятся здесь в Берлине. Кайрат знал или подозревал о её занятии проституцией, хотя она говорила, что работает бейби-ситером в одной берлинской семье. И она действительно работала бейби-ситером. Она показала Кайрату номер телефона семьи, фотографии ребёнка, за которым ухаживала. Но эта была лишь часть

её работы и часть её заработка. На доходы от бейби-ситерства в одной семье невозможно было бы прожить в Берлине. Кайрат был не слепой, чтобы не видеть её довольно высокие доходы, а также многое другое, чтобы не догадываться об их происхождении. Ему была нужна женщина в доме, домохозяйка и любовница в одном лице. Однажды осенним вечером, вернувшись из очередной рабочей командировки по России после очередной пустячной ссоры, Кайрат безапелляционно попросил Жанну освободить его жилплощадь, и как можно скорее. «Ты представляешь, он даже не помог мне найти другую квартиру и не помог переехать, перенести вещи! Я делала это всё сама. Он только закрыл за мной дверь как-только я вынесла к такси коробки с вещами», - со скорбью в голосе заявила Жанна.

Самара продолжала рассеянно наблюдать прохожих на улице, редко отпивая остывающий кофе из оранжевой чашки, и продолжая неторопливо перебирать в памяти свои редкие встречи и беседы с Жанной. В 2006 г. они волей случая попали в одну группу для подготовки к языковому экзамену для поступления в немецкий вуз. Он был обязателен для всех иностранцев, желавших учиться в немецких вузах. Курсы эти проходили каждый день, пять раз в неделю и длились по 4 часа. Немецкий преподавался доцентами Лингвистического центра Потсдамского университета, расположенного в одном из исторических зданий бывшего королевского дворца неподалеку от дворца Сан-Суси, выстроенного королем Пруссии Фридрихом Великим в 18 веке. Университет располагался неподалеку от великолепного большого парка, прилегавшего к знаменитому дворцу. Студентам, учившимся здесь, можно было только позавидовать. Такая красота и великолепие окружали их.

Жанна и Самара быстро познакомились, и очень скоро их разговоры перешли в доверительную плоскость. Несмотря на немалую разницу в возрасте, этому в немалой степени способствовали понятное чувство одиночества иностранца в чужой стране и в чужой культуре, общие корни и родной язык. Разговаривали они между собой, часто смешивая русские и кыргызские фразы. Но Жанна всегда подчеркивала свою казахскую кровь, гордясь экономическим ростом Казахстана и желая отождествлять себя с богатой страной. Её отец был иссык-кульским кыргызом, а мать казашкой, чьи предки переселились на север Кыргызстана в годы коллективизации и политики оседания, проведенных Советской властью среди кочевого населения Средней Азии и Казахстана. Эти меры вызвали страшный голод в казахских степях. Тогда миллионы казахов лишились своего скота, конфискованного Советской продразверсткой, погибли от голода, а десятки тысяч казахов переселились в Чуйскую долину и поселились среди кыргызов, найдя здесь себе спасения от голодной смерти. После распада СССР, когда не стало больше работы, родители Жанны покинули родное село на северном берегу Иссык-Куля и со всей семьей переехали в село «Мраморное» поближе к Бишкеку, рассуждая, что как для них самих, так и для их трёх подрастающих детей будет лучше поселиться вблизи столицы. В свое время колхоз «Мраморное» славился на всю республику своими великолепными арбузами. Отец занялся бахчеводством. Мать занималась хозяйством и детьми, а по выходным дням торгуя на рынке Дордоя. Самара хорошо знала колхоз «Мраморное», так как в свои студенческие годы работала на его полях во время обязательной студенческой сельхозки. Весёлое и беззаботное это было время. Студенты здорово веселились, устраивая вечерами смешные соревнования.

Так, она вспоминала, как, разделившись на две группы, она с сокурсниками гонялась за одним бедным зайчиком, забредшим на кухню в поисках пропитания. Кто первым поймает, того ждет приз – суп из свежей зайчатины, но зайчик оказался проворливей студентов и убежал в поле. От воспоминаний о беззаботной студенческой юности она вернулась к непростым событиям жизни своей землячки.

Жанна сказала себе тогда, что во что бы то не стало останется жить в Германии, заработает много денег и вернется в родное село победительницей. А для реализации её амбициозных планов прежде всего требовалось разрешение на проживание в этой стране. Так как она была иностранкой, то ей требовались разрешительные документы. Поэтому она и пошла на языковые курсы, чтобы, сдав языковой экзамен, поступить в университет. Это гарантировало ей право на проживание и работу в Германии как студентки на несколько лет. Надо сказать, что Жанна уже трижды пыталась сдать языковой экзамен в различных берлинских университетах, но без успеха. Самара сразу же подметила в её характере невероятную настырность при достижении поставленных целей. Жанна рассказала ей, что «сделала» себе диплом какого-то вуза в Чуйской долине, но толком там никогда и не училась. Обладая хорошей памятью и уверенностью в себе, она довольно быстро выучилась бегло говорить по-немецки, но все, что касалось письменных заданий, правил немецкой грамматики, синтаксиса и фонетики; способности к абстрактному мышлению, что требовалось для успешной сдачи университетского экзамена, давались ей с заметным трудом. Однажды преподавательница сделала ей очередное замечание, раздав проверенные сочинения, и спросив её, пишет ли она и на родном языке так же плохо,

как и на немецком. Это вызвало короткий смешок в группе, но оставило совершенно невозмутимой саму Жанну. Она иногда удивляла своих преподавателей и сокурсников неадекватным взглядом на вещи. Как-то эта же преподавательница приклеила на доске большой рисунок с изображением людей и различных предметов домашнего обихода и попросила указать логическую связь между ними. Когда очередь дошла до Жанны, то она своим звонким молодым голоском бойко ответила, что на рисунке видит «одну примечательную даму. И та очень пожилая, наверное, уже за 50, на что указывают глубокие морщинки на уголках губ и на лбу.» Учительница заметно смешалась, не зная, как отреагировать на такой ответ. Заметив её явное замешательство, Жанна смело продолжала: «... та должна быть женщиной, которая просто не уделяет достаточного внимания своей внешности.» При этом Жанна выразительно посмотрела на свою учительницу с плохо уложенной прической. «Такие морщины можно и нужно предупредить, если пользоваться качественной и дорогой косметикой», - с таким заявлением трудно было поспорить, хотя оно изрядно отклонялось от темы задания.

Жанна в те времена была по-деревенски неотесанной девушкой с простоватыми манерами, с грубоватой речью, но при этом она всегда четко определяла свою позицию по любому вопросу. Это подкупало в ней Самару. Она привыкла к общению с рафинированными интеллигентами, которые, как правило, старались избегать в своей речи и рассуждениях резких фраз и прямых критических оценок. От всего облика Жанны веяло какой-то неуловимой деревенской свежестью, напоминая ей своё далекое детство, когда она ездила на каникулы к бабушке и дедушке в деревню в часе езды от Бишкека. Жанна

напоминала ей простую жизнь в кыргызском аиле, весёлые игры с деревенскими детьми, когда поход за коровой, которую нужно было вечером пригнать из колхозного стада домой, превращался в весёлое мероприятие. По дороге туда и обратно она со своими многочисленными двоюродными и троюродными братьями и сёстрами успевали поиграть в прятки, в догонялки, оборвать яблони и груши в соседских садах, искупаться в глубоких журчащих арыках. Это незабываемое беззаботное детство, когда родные и любимые люди были молоды, счастливы и главное, еще живы. «Куда это время только делось?»- С горечью подумала Самара. Между той и нынешней жизнью лежал глухой люк времени. Порой Самару казалось, что той жизни и не было вовсе, или всё это относилось к другому человеку, а не к ней. Она выросла во Фрунзе на Турусбечке, или на «Западе», как ещё называли горожане этот район, и тем не менее в ней не было характерного городского снобизма по отношению к сельским жителям. Жанна при первом знакомстве с Самарой была очень худенькой девушкой со звонким почти подростковым голоском и носила неизменно длинные хлопчато-бумажные юбки до щиколоток, сверху натягивая на себя большой бесформенный свитер, а волосы подбирала на затылке, перетягивая простой резинкой. Словом, её внешность была типичной для девушек, приехавших в Бишкек из окрестных сёл и городков. Когда они познакомились на языковых курсах, Жанна уже жила с Кайратом в его квартире. На переменках она громко обсуждала с ним по телефону о том, что приготовить на ужин. Ей очень нравилось показать своим одиноким одноклассникам, что она, в отличие от них, уже имеет своего друга и мужчину.

В их группе была представлена почти вся география бывшего огромного СССР. Самара вспомнила Лейлу из Баку, приехавшую всей семьей в Германию по еврейской линии, Сергея из маленького российского городка в далёкой Сибири, приехавшего в Берлин по приглашению своих друзей и так и оставшегося здесь, избегая армейскую службу на родине, ещё молдованина Андрея из Кишинёва, который жил и работал у своей старшей сестры, вышедшей замуж за немца. Супруги держали в Берлине небольшой ресторан с восточно-европейской кухней. Был татарин Тимур из Казани. Они мечтали поступить в немецкие университеты и остаться на постоянное место жительства в Германии. «Русские», как их ещё называли местные немцы, исходя из общения на русском языке и общего советского прошлого, составляли довольно многочисленный контингент в Потсдамском университете. Услышать русскую речь на улицах Берлина и Потсдама было обычным явлением. Коренные немцы давно свыклись с тем, что их города превратились в зоны так называемого «мультикультурализма», где смешано проживали выходцы из многих стран мира. Они давно уже устали от непрекращающегося потока зарубежной миграции, но неумолимая логика демографического развития и экономические перспективы заставляли страну открывать двери иностранцам. Однако мультикультурализм ни в коей мере не умолял царящей иерархии между немцами и не немцами и «прозрачных стен» между различными этническими группами. Весь бизнес в Берлине, как впрочем, и по всей стране, делился по этническому признаку. Так, отдельно существовали немецкий, турецкий, русский, арабский, вьетнамский и прочие бизнесы. Они обслуживали в основном выходцев из своих стран и регионов. Немцы за редким исключением давали работу иностранцам. Работу давали

и доверяли только своим. Впрочем, тоже самое можно было сказать и о других этнических группах. Исключение немцы могли сделать так называемым «поздним переселенцам» или русским немцам, переселившимся из России, Центральной Азии, Кавказа и других республик бывшего СССР на историческую родину. Для этой группы мигрантов существовала особая правительственная программа интеграции и определённые привилегии для бесплатного изучения немецкого языка в хороших языковых школах, автоматического получения гражданства по этнической принадлежности, квоты при поступлении в вузы и др. Согласно статистике, коренное немецкое население Германии неуклонно сокращалось в численности. Молодежь упорно отказывалась «плодиться и размножаться», старые становились всё старше, а молодых и работоспособных становилось меньше. В недалеком будущем через какие-то 50 лет население Германии должно было сократиться почти вдвое, что грозило стране неминуемым экономическим спадом и потерей конкурентоспособности на мировом рынке, прогнозировали демографы и экономические эксперты. Самое многочисленное этническое меньшинство в Германии представляли граждане турецкого происхождения, жившие здесь уже в третьем поколении, но они сопротивлялись ассимиляции с немцами, предпочитая сохранять связи с исторической родиной, заключая браки между своими соотечественниками или привозя свою вторую половину из Турции, за что им здорово доставалось от немецких политиков и прессы. Кроме того, культурные и религиозные традиции турков сильно разнились от обычаев и нравов коренного населения. Политику сдерживания ассимиляции с немцами поддерживали также и власти Анкары. Турецкие руководители периодически наносили визиты в Германию

и неизменно собирали большие стадионы со своими земляками, призывая их успешно интегрироваться в индустриально развитое европейское общество, но при этом не забывать своих корней, родного языка и религии. У турецкого правительства существовала хорошо разработанная программа по возвращению соотечественников на родину. Многие молодые европейски образованные турки, не найдя в Германии достойной полученного образования работы, с удовольствием возвращались на родину предков, способствуя модернизации и экономическому росту страны. Отдельную и большую группу составляли «русские»- мигранты из республик бывшего СССР. Сюда входили все этнические и религиозные группы из бывшего СССР. Русские немцы были равномерно расселены по всем весям Германии, в то время как «контингентные беженцы»- евреи имели свои особые привилегии из-за Холокосты; их расселяли в крупных городах. Используя всестороннюю поддержку со стороны местной и международной еврейской диаспоры, солидную финансовую помощь из США, многие евреи смело открывали свой малый и средний бизнес на новом месте, экономически успешно интегрируясь в немецкое общество, и не испытывая особого психологического дискомфорта на новом месте. По сути дела русский бизнес в Берлине в значительной мере принадлежал советским евреям. Отношения внутри разноликой русскоязычной диаспоры нельзя было назвать дружными. Самара нередко замечала, как коренные русские и евреи, избегая проявления распространённого местного национализма или расизма, и пытаясь избежать дискриминации и моббинга в свой адрес, выдавали себя за русских немцев. Местные немцы знали, что их далекие соотечественники когда-то давно ещё со времён

Екатерины Великой в 18 веке были приглашены своей великой землячкой и другими русскими царями немецкого происхождения на постоянное жительство в расширяющуюся Российскую империю. Им отдавались в вечное пользование огромные площади с чернозёмом на великой реке Волге, там, где раньше паслись многочисленные табуны лошадей кочевых башкир. Получая различные привилегии, освобождение от воинской службы и уплаты налогов на многие годы вперёд, безземельные и бесправные немецкие крестьяне миллионами переезжали в далекую и неизвестную Россию. В годы Второй мировой войны и сталинских репрессий российские немцы потеряли свою Поволжскую республику и были перемещены в трудовые лагеря Сибири, а оттуда после смерти «отца народов» были расселены в республиках Средней Азии и Казахстана. После развала некогда могучей страны германское правительство пригласило потомков тех далёких немцев вернуться на свою историческую родину. И началась новая историческая миграция в обратном направлении. Согласно статистике, в Германию переселилось около 2,5 миллионов советских немцев. К этому числу нужно прибавить еще сотни тысяч советских евреев, мигрантов других национальностей со всех бывших республик Советского Союза, и можно получить довольно солидную цифру «русских» в Германии, к числу которых принадлежала и она. Это многомиллионное русскоговорящее сообщество и составило вторую по численности после турков отдельную культурно-языковую диаспору в Германии. Жизнь людей складывалась по-разному на разных землях страны. Многих не отпускала ностальгия по оставленной родине на Востоке. Они утешались мыслями, что их детей здесь ждет лучшее будущее, чем на оставленной родине.

Переселенцы из числа этнических немцев, как правило, не владели немецким языком, и русский язык был их родным языком. Они смешались с русскими и другими народами бывшего СССР и чувствовали себя по ментальности скорее русскими, чем немцами. Многие мигранты получали социальное пособие от государства, так как помимо трудностей со знанием языка, дипломы, полученные на родине, немецкое государство как правило не признавало. Вообще, было довольно трудно найти себе работу на новом месте, и многие переселенцы смирились с этим, возлагая надежды на лучшую жизнь для своих детей, выросших или уже родившихся в Германии. Сидя на пособии, люди занимались приработками или «мини-жобом», как это здесь было принято называть. И только немногие отваживались открывать свои малые семейные фирмы в области туризма, торговли и сферы услуг; туристические фирмы, прачечные, мастерские по починке обуви и одежды, рестораны, бакалейные магазины, интернет-кафе, гостиницы-пансионы, массажные салоны и прочее. Эта группа постепенно заняла свой сектор в экономике страны.

После многочисленных попыток найти себе работу у «русских», Жанна, не раз испытав на себе унижения из-за азиатского происхождения или религии отцов, поняла, что многие бывшие соотечественники из числа «русских» не меньшие националисты и расисты, чем некоторые коренные, и сделала вывод, что искать работу надо все-таки у коренных немцев, чтобы быстрее освоиться в доминирующей немецкой среде. Кроме того, работа у «русских» была практически на износ, в основном на холодных складах, на стройке, на уборке помещений или на кухне, работа на конвейере за городом; вредная, тяжелая и плохо оплачиваемая. Дискриминация и трудности

постепенно озлобили и ожесточили её характер. Единственная экономическая ниша, которая предлагала ей незамедлительную и нетяжёлую работу, кров и быстрые деньги, была в сфере сексуальной индустрии. Русские и немецкие газеты и интернет-сайты пестрели многообещающими объявлениями о больших заработках, помощи с оформлением разрешительных документов на работу и предоставлением жилища. Это было то, в чём она неотложно нуждалась. У Жанны не было больше выбора и не было сил и желания обивать пороги равнодушных и высокомерных людей в поисках нормальной работы. Деньги таяли на глазах. Она позвонила по одному из указанных номеров в немецкой газете. Трубку подняла женщина, которая, услышав русский акцент Жанны, тут же перешла на чисто русский язык и назвалась Натали. Она выслушала Жанну, спросила, сколько ей лет, откуда она, вес, рост, цвет волос и, получив удовлетворяющие ответы, тут же пригласила Жанну на встречу. С того момента у молодой женщины началась новая эпопея в жизни. Она рассказала Самаре об этой своей новой жизни одним осенним теплым днем, отпивая мелкими глотками красное вино из большого бокала, пригласив землячку в свою однокомнатную квартиру на набережной реки Шпрее в одном из центральных районов Берлина. За окном светило солнце, но в квартире было довольно прохладно. Квартира располагалась на первом этаже у самой реки и выходила окнами на север. Летом одолевали комары. Днем и ночью шумно проплывали пароходы с туристами на борту. И не выходя из квартиры, можно было слышать голос говорившего в громкоговоритель туристического гида. Эту однокомнатную квартиру Жанна с трудом нашла и сразу же сняла после того, как рассталась с Кайратом. Хотя она и пыталась говорить о нём в прошлом времени, как о чем-

то незначительном в своей жизни, в глазах её читалась все еще непроходящая боль и сожаление. Она прибодрила себя, сказав, что хотя Кайрат и имеет хорошую работу в одной международной логистической фирме, но она, Жанна, не имея ни немецкого образования и вообще какой-либо поддержки, тем не менее зарабатывает больше, чем он. Это стало главным аргументом в её борьбе за выживание в чужой стране. При этих словах она быстро встала, вынула сигарету из пачки и закурила. Подошла к окну, поправила занавески и снова вернулась на свое место. Отпила еще глоток из бокала. Вино кончилось, и она плеснула себе ещё алкоголя в бокал. Было видно, что она любит красное вино и пьет его часто. Самара слушала Жанну, не перебивая и не задавая вопросов. Она поняла, что Жанне хочется высказаться, чтобы освободиться от давящего душу невидимого груза, и ей при этом отводилась роль некоего психотерапевта. « Я не жалею о том, что так случилось в моей жизни, понимаешь?! Что бы я делала дома? Крутила бы хвосты коровам в деревне. Я родилась не для этого! В 10 классе в нашей школе был конкурс красоты, и я победила. Знаешь, как это меня подняло?! Я почувствовала себя женщиной. Многие интересные парни стали приглашать меня в кафе, в рестораны», - продолжала свой рассказ Жанна. При этом её зеленоватые глаза, унаследованные от отца-иссык-кульца, заметно повлажнели и заблестели. Чувствовалось действие алкоголя. Она глубоко затянулась сигаретой и медленно выпустила дым, повернув голову в сторону окна. В глазах Жанны часто можно было прочесть призывно-нескромное послание, и поэтому мужчинам нетрудно было догадаться, с кем они имеют дело.

На город упала тьма. И сразу же зажглись фонари на реке. Мимо дома продолжали шумно проплывать кораблики с

туристами. Рассказ Жанны прервал телефонный звонок. Она быстро встала и подбежала к окну. Её голос и интонации мгновенно поменялись. Она начала говорить на ломанном турецком языке с нотками кокетства в голосе. После разговора она прошла на кухню, бросила окурок в корзину и налила себе стакан яблочного сока. Глаза её поблёскивали. Она стала спешно собираться, перебирая свои вечерние наряды и подбирая подходящую обувь. Её гардероб причудливо состоял из дорогих вещей, купленных в престижных бутиках на Курфюстен Дамм на распродажах, и вещей из секонд хенда. Но косметика, которой она пользовалась, была неизменно дорогой фирмы. Для сочетания полезного и приятного она устроилась работать независимым дистрибьютером в косметической фирме «Мерри Кей». Самара время от времени покупала у Жанны различные крема этой фирмы, записавший в её линию для того, чтобы покупать качественный косметический продукт со скидкой, но сама не хотела заниматься сетевым маркетингом, испытывая в целом какую-то неприязнь к коммерческой деятельности.

Жанна быстро оделась и подкрасилась. Взяла в правую руку маленькую ярко-красную сумочку под цвет узкой юбки до колен и надела чёрные туфли на невысимо высокой платформе. И выходя из комнаты, она резко пригнулась к зеркалу на стене и накрасила губы ярко красной помадой. Жанна и Самара вместе вышли из квартиры и быстро зашагали в сторону городского наземного метро. Молча дошагав до станции метро, они попрощались и разошлись по разным перронам.

Жанна торопилась на встречу с одним гостем из Стамбула, с которым она познакомилась через свой персональный интернет-сайт. Этот сайт она открыла, когда решила уйти после ссоры с хозяйкой дорого

заведения на Курфюстен Дамм. Она нашла профессионального фотографа, который сделал ей серию качественных снимков в разных нарядах. Снимки она разместила на своем индивидуальном веб-сайте под именем Паулетта. Гость приехал в Берлин на пару дней для участия в какой-то международной промышленно-торговой выставке. Она стояла на перроне с мечтательной улыбкой на ярко покрашенных губах, не обращая внимания на осудительно-критические взгляды проходивших мимо женщин и откровенно восхищенные взгляды мужчин. Так было почти всегда, и она уже привыкла к ним. «Мне всё равно, что они там говорят или думают обо мне», - как-то вызывающе заявила она Самаре при одной встрече в берлинской гостинице на годовом собрании дистрибьютеров «Мерри Кей». Жанна пришла туда в откровенном наряде и ярко покрашенная и с надменным взглядом провожала неодобрительные взгляды других женщин. С той поры прошел почти год, и Самара с Жанной изредко пересекались на общих собраниях фирмы. Их разговоры часто сопровождались рассказами Жанны о новых коммерческих успехах в сфере сетевой торговли. Жанна была уверена, что непременно достигнет самых больших высот в сетевом маркетинге и купит себе квартиру в Берлине. Её неизменный оптимизм всегда встречал положительную реакцию Самары, хотя сама она давно уже поняла, что мигрантам в этой стране отведена ограниченная ниша, которую невозможно будет покинуть, не изменив себя, своих старых убеждений, жизненных правил и отношения к людям. А на это были способны далеко не все.

Как-то ранним утром у Самары зазвонил сотовый телефон, на котором высветилось имя Жанны. Подняв трубку, Самара прошла на кухню и стала автоматически

поливать цветы в горшках на высоком подоконнике. За окном лил холодный дождь. Лето в Берлине в том году действительно выдалось особенно холодным. Одна надежда на долгое бабье лето и теплую зиму могла слегка утешить уставших от холода и сырости горожан. А между тем звонкий и немного простуженный голос Жанны неперстава щебетал в трубку: «Привет! Как дела?...я тебе что-то расскажу, приходи сегодня на собрание нашей группы «Мерри Кей» в Дом бракосочетания. Там у нас будет презентация новинок. Тебе обязательно понравится! Презентация начнется в пять вечера. Будешь?! Потом я расскажу тебе о том, что со мной приключилось за последние дни, ОК? Ты наверное меня потеряла? Пока-пока!», - и не дождавшись ответа, она отключила связь. Самара стояла немного в недоумении, поскольку всё никак не могла привыкнуть к бесцеремонной манере общения Жанны. Она поставила кофеварку на плитку, вынула из пакетика три чайные ложки густого ароматного натурального кофе из высокогорного плато Никарагуа и засыпала его в пустую кофеварку, которая стала быстро нагреваться на электрической плите. По комнате разнёсся аромат кофе. Без него день был не день. Варить утренний кофе превратился в своеобразный ритуал. Самара выпивала много кофе за день. Как-то на работе её шеф в шутку сделал ей замечание: «Какая эта чашка по счету? Двадцатая? Тебе скоро нужно будет лечиться от кофеиновой зависимости!». Но сам шеф много курил, что действовало на нервы его сотрудников.

Ей конечно хотелось разузнать у Жанны, где та пропадала эти две недели, и что с ней приключилось. Она чувствовала, что очередная «рабочая поездка» её землячки прошла не без затруднений. Закончив работу и сдав смену, Самара направилась в сторону Дома

бракосочетаний, который находился в 10 минутах ходьбы от её работы- небольшой гостиницы-пансиона с русскими хозяевами. В Доме бракосочетания ведущий группы- профессиональный косметолог Бригитте, которая имела свой собственный косметический салон на дому на окраине города, вот уже много лет являлась независимым дистрибьютером «Мерри Кей» в Берлине. У неё уже была своя большая линия, которая приносила неплохой дополнительный доход. Бригитте получила от фирмы двухдверный «Мерседес-Смарт», на котором не без гордости разъезжала по городу. Она раз в месяц проводила мастер-класс для своей группы и начинающих, презентуя новинки фирмы. Члены группы отчитывались о проведенных сделках и о новых регистрациях в своей линии. Самара сидела в отдалении от Жанны и ей было сложно общаться с ней. Когда презентация завершилась Жанна быстро подошла к Самаре и сразу предложила ей купить новинку- роллер-деодорант без запаха. Она сказала, что это новинка, которая не вызывает аллергической реакции. При этом ещё испытующе посмотрела в глаза Самаре. Та медленно взяла роллер из её рук и открыла колпачок. Её деодорант особо не интересовал, но она решила купить его, чтобы не обидеть свою землячку. Получив деньги в руки, Жанна немного смягчилась в лице и улыбнулась.

«Ну что, пойдём куда-нибудь, попьём кофейку и поболтаем? Я что-то проголодалась!»,-сообщила она по-немецки, при этом разглядывая себя в огромное на всю стену зеркало. Оставшись довольной своим видом, она быстро зашагала вперёд к лифту. Самара последовала за ней, предвкушая услышать интересную историю. Она по опыту знала, что Жанна не любит хранить свои тайны и должна обязательно кому-то всё рассказывать, «как на

проповеди», подумала Самара. Для Жанны же такие исповеди приносили определённое душевное облегчение. Они шли некоторое время в направлении центра и зашли в итальянское кафе. Усевшись поудобнее за угловым столиком у окошка, женщины заказали себе еду и питье. Самара заказала себе салат с тунцом и яблочный сок. Жанна взяла бифштекс и бокал красного испанского вина. Несмотря на свою хрупкую почти мальчишескую фигуру Жанна обладала недюжинным аппетитом. Самара с лёгкой завистью посмотрела на свою собеседницу, которая в это время затянулась крепкой сигаретой. Она не могла себе такого позволить ни в еде, ни в питье из-за хронической болезни желудка. Тем временем услужливый молодой официант восточной внешности принес напитки и расставил их на столе, при этом с нескрываемым интересом рассматривая Жанну. Она ответила ему игривым взглядом и приблизила к себе бокал вина. «Ты куда пропала, Жанна? Я не могла до тебя дозвониться. Я хотела вернуть тебе духи-пробники, как и обусловились. Ты же сама просила их быстрее вернуть, если не буду покупать», - начала беседу Самара, желая как-то оправдать своё любопытство. Молодая женщина проигнорировала замечание и глотнула вино с бокала и снова затянулась сигаретой, пуская дым уголком рта. Жанна начала свой очередной рассказ. Её рассказы неизменно вызывали интерес у Самары своей искренностью и натуралистичностью. «Я познакомилась пару месяцев назад с одним итальянцем из Сицилии здесь в Берлине в ночном клубе «Адажио». Мы выпили, потанцевали, хорошо так пообщались, а потом поехали к нему в гостиницу. После этого мы встречались еще пару раз. Он щедрый, знаешь, не то, что эти жадюги-немцы. Короче, пару недель назад он вдруг объявился по Скайпу и пригласил меня к себе в Сицилию погостить недельку.

Роберто обещал взять все расходы на себя и подарить мне деньги и наряды.» Жанна прерывала свой рассказ поглощением вкусной еды, принесенной услужливым восточным официантом. Как оказалось потом, этот странный Роберто с большим бульдогом жил в деревенской местности вдали от большого города в уютном двухэтажном доме с большим подвалом. Дом окружал огромный фруктовый сад из яблонь, груш и вишневых деревьев. Изъяснялись они между собой на ломанном английском языке. За время пребывания в гостях у сицилийца Жанна подверглась различным унижениям в подвале дома. На ночь итальянец оставлял её в комнате с собакой и кормил её той же едой, что и любимого бульдога. Причем бульдога он кормил раньше, чем её. Ни о каких нарядах и разъездах по живописному острову не было и речи. Когда она попросила его показать окружающие достопримечательности, о которых было обещано ранее, тот только громко рассмеялся, и поднимая очередную рюмку шотландского виски, заявил по-русски: «У меня запой!» Спустя неделю странной жизни в полузаточении, Жанна поняла, что ей ничего не светит в плане устройства личной жизни под ярким итальянским солнцем в прекрасной Сицилии и попросилась домой. Итальянец, который всегда был скуп на разговоры, велел ей быстро собрать свои вещи. Жанна очень испугалась и молча собрала свои вещи, при этом забыв зарядку для сотового телефона на кухне. Об этом она вспомнила потом, когда поселилась в маленькой недорогой гостинице в соседнем городке. И поэтому она была недосыгаема по телефону все эти дни. Её сотовый телефон давно разрядился. Роберто загрузил её чемодан в багаж, и не дав позавтракать, жестом руки указал на переднее сиденье машины. На заднем сиденье уже разместилась большая собака, к которой Жанна так и не смогла

привыкнуть. По дороге в город она робко заявила итальянцу, что у неё закончились деньги и кроме авиабилета почти ничего ценного при себе нет. Тот громко рассмеялся, не поворачивая головы в её сторону, и резко притормозил у автобусной остановки. Жанна поняла, что её просто кидают в чужой стране без средств. Она молча вышла из машины, и взяв свой чемодан, медленно прошла к остановке. Машина итальянца резко взяла с места и покатила в сторону города, куда она собралась доехать. В окно он выкрикнул ей: «Чао, Паулетта!» Так она назвалась для знакомств на интернет-сайте. Положение было отчаянное. Солнце нещадно палило. Денег практически не было. В кошельке оставалась одна сотня евро с мелочью. Остальные деньги у неё украл Роберто. А по скайпу итальянец рассказал ей о своих квартирах в Сан-Тропе на французской Ривьере и о многом другом. Они собирались поплыть на корабле из Сицилии в Сан-Тропе навестить его двух сестёр, живших в маленьком южно-европейском курортном городке. Уставшей от одиночества Жанне это казалось почти сказкой! Оно и оказалось сказкой, которая быстро обернулась горькой явью. И вот она стояла совершенно одна на пустынной остановке в незнакомой местности. Когда подъедет автобус ей было неизвестно, как неизвестно и то, куда она поедет и как доберется до аэропорта в Палермо.

Между тем прошло около часа и к остановке подъехал рейсовый автобус. Она зашла в автобус и села на первое свободное место. Чемодан она задвинула себе под сиденье. Пустых мест в автобусе было много. Напротив неё сидела пожилая женщина с азиатским лицом. «Наверное, филиппинка», - промелькнуло в голове у Жанны. Приветливое лицо женщины немного подбодрило её. И

Жанна обратилась к ней на ломанном английском с вопросом, где можно найти неподалёку недорогую гостиницу. Та ответила ей тоже по-английски, что напишет адрес одной знакомой гостиницы в соседнем городке. Тем временем за окном автобуса показался высокий шпиль церкви лежащего в низине старинного городка. Женщина медленно писала на обрывке тетрадного листа адрес и номер телефона гостиницы. Автобу слегка трясло на ухабах, что мешало ей писать. Наконец она справилась с задачей и протянула Жанне бумажку с адресом. Оказалось, что она когда-то давно работала в этой гостинице горничной, когда впервые много лет назад приехала в Италию в этот городок из далекой арабской страны. «Ты мусульманка?»- спросила та Жанну. «Твое лицо можно найти и в моей стране»,- заявила она, проводя рукой вокруг своего лица и широко и дружелюбно улыбаясь. «Да»,- робко ответила ей Жанна,-«Я из Казахстана». Разговор завершился, когда автобус въехал в город и остановился на остановке. Арабка быстро встала, поправила свое длинное платье и протянула руку на прощанье, при этом сказав, что Жанне нужно будет выходить на следующей остановке. Жанна протянула ей свою руку в ответ и осталась сидеть на своем месте. Она все еще не могла прийти в себя от событий этого утра, а также от мыслей об отсутствии денег на гостиницу и дорогу. Ведь до отлёта в Берлин оставалось целых три дня и нужно было еще добираться до Палермо. Её мучила мигрень. Жанна подошла к водителю и протянула ему деньги за проезд. Расплатившись, она быстро вышла из автобуса на остановку, расположенную на широкой шумной улице. Солнце медленно продвигалось к зениту. Город был шумен и оживлен, несмотря на усиливающуюся жару и зной. Наступало время сиесты. Жанне очень захотелось

пить, и она прошла к первому кафе на углу улицы. Внутри кафе было довольно прохладно. За стойкой бара сидела молодая девушка с короткой стрижкой, которая, казалось, совсем не обращала внимания на посетителей, сосредоточенно слушая новости по местному каналу телевидения. Жанна прошла с чемоданом в туалет. Она подкрасила губы и подвела карандашом глаза. Это придало ей уверенности. Выйдя из туалетной комнаты, она подошла к маленькому столику, поставила под ним чемодан и тут же подошла к стойке. «Бонджорно, сеньора!»- поприветствовала она хозяйку бара, пытаясь привлечь к себе её внимание. Та медленно перевела на неё недовольный взгляд и молча приняла скромный заказ-булочку с сыром и маслом и чашечку чёрного кофе. Расплатившись за завтрак, Жанна протянула ей бумажку с адресом гостиницы и спросила по-английски, как туда пройти. Девушка вышла из-за стойки бара и прошла к двери, подзвав Жанну рукой. Она на английском разъяснила, как пройти до гостиницы. Жанна поблагодарила девушку и вышла из помещения, направляясь по указанному маршруту. Идти пришлось долго. Тяжелый чемодан изрядно оттягивал руку. Пройдя несколько десятков метров, она остановилась передохнуть. Мимо неё проходили пешеходы, громко разговаривая по сотовому телефону. Жара становилась почти невыносимой. Шум машин заглушал все усиливающийся странный шум, напоминающий стрекот огромных кузнечиков. Это было очень необычайно. Жанна наконец-то добралась до гостиницы и вошла в маленький, но весьма уютный и со вкусом обставленный холл. В помещении никого не было. Усиленно работал вентилятор, раздувая широкие кремовые занавески на окнах. Жанна присела в широкое старинное кресло, обитое темно-бордовым гобеленом. Прошло около десяти

минут. За это время она успела внимательно разглядеть окружающую обстановку. Фойе гостиницы представляло из себя полукруглое помещение с изящными красновато-розовыми мраморными колоннами. Старинная мебель гармонично вписывалась в это маленькое пространство. Вокруг было много зелени и вьющихся цветов. За большими стеклянными дверьми был виден небольшой внутренний дворик, где стояли маленькие круглые столики для гостей. На противоположной стороне дворика в стене был пристроен фонтанчик в форме большой морской раковины из розового мрамора, и тихо журчала вода. Эта идиллия действовала успокаивающе на изрядно потрепанные нервы Жанны, и она почти успокоилась. От полудрёмы её вывел мягкий голос портье, который вежливо осведомился у сеньорры, чем может быть полезен. Это был мужчина средних лет с густой сединой в волосах. Она спросила, есть ли места в гостинице? - Да, есть, но только одна комната с ванной и туалетом, и она очень маленькая, и в ней стоит большой старомодный вентилятор. Если это устроит сеньору, то она может тут же занять номер на втором этаже в углу коридора, и сутки стоят всего 80 евро с завтраком. Жанна тут же расплатилась за первые сутки, взяла ключи и поднялась в свою комнату. В отличие от фойе гостиницы, комната её оказалась весьма убогой. Она была крохотной и обставлена старой мебелью. В комнате стоял затхлый запах от старого ковролина. Тяжелые темные занавески хорошо защищали комнату от палящих лучей солнца. К счастью, к комнате примыкала просторная ванная комната с маленькой душевой кабиной, с унитазом и раковинкой. Она разделась и встала под душ и долго мылась под прохладными струями воды. После душа Жанна обернулась широким полотенцем и прошла к кровати. Голова коснулась подушки, и её тут же охватил

глубокий и тревожный сон. Ей снились покойные бабушка и дедушка по отцу, которые придвинулись к её кровати и молча с осуждением смотрели на неё. Жанна заплакала во сне. Когда она проснулась, солнце уже склонилось к закату. Красные лучи его косою линией падали на противоположную стену и зеркало. Она захотела посмотреть на часы, установленные в сотовом телефоне, но обнаружила, что тот отключился из-за севшей батарейки. Ни в большом чемоде, ни в сумке не было зарядного устройства. Тут она вспомнила, что оставила его у итальянца. Этот человек теперь показался ей из далекого прошлого. Так боролись в её голове сознание и подсознание, пытаясь уберечь душу от жестокой травмы, перенесённой за последнюю неделю. Она вздрогнула, увидев на руках выше локтей большие синие пятна, оставшиеся от грубых ласк итальянца в подвале. Медленно приходило осознание, что добрый ангел хранитель спас её, непутёвую, еще раз, и на этот раз от чего-то действительно смертельно опасного – от преступника с огромной собакой-бульдогом. А ведь он мог её просто убить в своем глухом подвале и закопать в саду. И кто бы её искал? Престарелые родители в маленькой кыргызской деревне в далекой республике? Тут она усмехнулась своим горьким мыслям. Навряд ли бы они стали её искать. Ведь она с ними разругалась при последнем телефонном разговоре пару месяцев назад. Жанна в последние годы проживания в Берлине совсем охладела к своим родным и близким в далеком Кыргызстане. Она стеснялась их. Её коробило их бедное деревенское существование в старом доме с удобствами на улице, с грязным хлевом для домашней скотины. Она боялась, что бедные родственники будут просить у неё денег или помощи найти и купить дешёвую машину и прочее и прочее. Она совсем охладела к своим родным

младшим брату и сестре, к их жизни и проблемам. И когда родители начинали по старой привычке рассказывать ей по телефону о своем житие-бытие или о финансовых проблемах брата или сестры, она недовольно морщилась и тут же прерывала разговор. Она стала надменной и нетерпеливой в общении со своей семьёй. Они это замечали, но ничего не могли изменить, а только огорчались. Постепенно отец и мать стали считать старшую дочь отрезанным ломтем. Со временем Жанна научилась свободно разговаривать по-немецки, начала учить английский и турецкий языки в вечерней школе в её районе Тиергартен. Живя долгое время в отрыве от Родины, она постепенно перестала соблюдать обычаи и традиции родного народа, даже перестала поминать умерших родственников. Стала избегать общения с земляками, находя их неотёсанными и неразвитыми. Но и немкой она не стала. Она чувствовала, что между ней и немцами лежала стена недоверия и отчуждения. Укоренившаяся практика неприятия коренными жителями мигрантов казалась Жанне непреодолимой и вечной, «пока существует последний «ариец», такой вывод сделала она для себя, и в конечном итоге она примирилась с этим. А поначалу холодное и высокомерное отношение со стороны некоторых коренных жителей искренне огорчали её, повергая в шок от услышанного в спину или в лицо откровенных оскорблений в свой адрес: «Говёные иностранцы!». «А кто вас-то любит?!» - отвечала она презреньем за презренье, иногда вслух, но чаще про себя. Причем, она считала, что злоба никак не провоцировалась с её стороны. Для этого достаточно было быть представителем другой расы и веры, объясняла она себе. Вначале приходилось серьёзно работать над собой, чтобы деланно улыбаться порой неприветливым людям, говорить им фальшивые комплименты и разговаривать в

заискивающей манере. Таким образом она довольно быстро научилась играть и лицемерить. В полезном социальном тренинге ей помог один друг югослав, который ненадолго устроил её на работу в свой ресторан в качестве официантки. Ей в дальнейшем пригодились заученные манеры вышколенной официантки при общении с другими клиентами. Жанна с годами довольно хорошо освоила чужой язык, образ жизни местных немцев, при этом стараясь держаться на определенной дистанции от них. Однако в глубине души она отчётливо осознавала ту пропасть, которая лежала между её родной культурой и мировоззрением и немецким образом жизни. Но среда брала своё, и Жанна перестала сопротивляться её влиянию, осознав, что в таком случае всю жизнь будет испытывать душевный дискомфорт. Она хотела максимально стереть всевозможные границы между собой и ими. И ей это удалось после 15 лет жизни в Берлине. Она заметила, что приближение к стилю жизни и мышлению европейцев отдаляли её всё больше и больше от родной культуры. И Жанна безоговорочно выбрала первое. Ведь образ жизни, который она вела все эти годы в Германии и способ зарабатывания денег противоречили строгим традициям родного народа. «А разве можно отсюда уехать?! Разве можно сравнить эти две страны?!»- как-то ответила она, посмеиваясь, на вопрос Самары, а хотела бы она когда-нибудь вернуться домой.

Но после случая с сицилийцем она вдруг ясно осознала, что именно её покойные кыргызские бабушка и дедушка из далекой маленькой деревушки на берегу Иссык-Куля и были её ангелами хранителями все долгие годы на неласковой чужбине. Жанна схватилась за горло и не смогла сдержать своих рыданий. Она быстро забежала в ванную комнату, села на низкий край душевой кабинки и

дала волю чувствам. Горько плача, она жалела себя, свои никчемные годы на чужой земле, которые принесли её немного денег, но забрали честь и веру в людей. Ей снова захотелось вернуться в то далекое чистое детство на берегах священного озера, когда была дружба и любовь семьи! Как хотелось вернуться в то время и перечеркнуть одним махом из жизни все то нечистое, наносное, чужое и фальшивое! Выплакав свои чувства и тоску, Жанна умыла лицо под холодной струей воды, вытерлась жестким полотенцем и вышла из ванной. Вдруг ответ пришел сам собой на мучивший вопрос, как выйти из затруднения и где добыть деньги на оставшиеся дни в гостинице и на дорогу до аэропорта в другом городе. Ответом и спасением было одно имя – Кайрат, её изменник, предатель и неотпускающая боль в сердце. Сейчас он был её единственным другом во всем мире. При других обстоятельствах она ни за что не стала бы обращаться к нему и просить о помощи. Но сейчас все изменилось. Вместе со слезами ушла и обида на него. Она с улыбкой вспомнила, какие только колдовские средства наведения порчи на него и его белокурую и голубоглазую супругу не применяла, сидя одинокими зимними вечерами в своей маленькой квартире на берегу берлинской реки. Тогда она от всей души желала им обоим и зла и несчастий. Все разом испарилось. Душа очистилась и отдохнула от черной зависти и обид. Жанна оделась и вышла на улицу. Быстро посчитала деньги и зашла в интернет-кафе рядом с гостиницей. Пройдя к телефонной будке, она по памяти набрала сотовый номер Кайрата. На той стороне послышались долгие гудки. Наконец, на другом конце линии прозвучал до боли знакомый голос. Жанна запутанно рассказала ему о том, что с ней приключилось, и что ей срочно нужны деньги, чтобы расплатиться за номер в гостинице и вернуться в Берлин. Кайрат выслушал её, не

перебивая. Он все понял. Он понял, что раз Жанна после года молчания снова обратилась к нему, то только за помощью и в беде. Он сказал ей, что сейчас же пойдет в отделение Вестерн Юнион и переведет на её имя 500 евро. Хватит?- Да, ответила она ему. Разговор закончился. Жанна положила трубку и уронила голову на грудь. Больше не было сил, ни моральных, ни физических. Расплатившись за переговоры, она прошла в кафе и купила себе кусочек пиццы и большой пластиковый стакан фанты. Ночной город шумел у её ног. Весёлая итальянская молодежь громко носилась по городским улицам на мопедах. Жанна, съев свой скромный ужин и надышавшись вечерней прохладой, вернулась в гостиницу. Она прошла за чудную стеклянную дверь, где прятался маленький фонтанчик с журчащей живой водой в густой зелени плюща и нагнулась над мраморной раковиной, чтобы опрынуть лицо прохладной водой. Почему-то ей захотелось пойти в местную церковь и помолиться Богу. Поблагодарить его за спасение на чужой земле! Утром после завтрака она прошла в местное отделение банка и получила перевод Кайрата. Страх и напряжение прошли сами собой. В оставшиеся дни Жанна решила осмотреть городок. Это был типичный живописный сицилийский городок с несколькими десятками тысяч населения и с залитыми ярким солнечным светом узкими улочками между старинными многоэтажными домами, с красивыми древними церквями и торговыми лавками. В городе в часы сиесты на улицах замирала жизнь. Она возвращалась на городские улицы с наступлением вечерней прохлады и длилась почти до восхода солнца. Здесь был свой музей истории города и картинная галерея. В центре размещалась красиво разукрашенная рыночная площадь и здание городской управы. Все достопримечательности Жанна обошла за

несколько часов одного дня. Вечером она зашла в старинную церквушку и присела на скамейку в последнем ряду. Это была средневековая церковь, украшенная росписью известных мастеров эпохи Возрождения. Картины из сцен Библии сочетались с изображениями святых мучеников, вырезанных из дерева. На алтаре по традиции возвышалась деревянная фигура распятого Христа с терновым венком на голове. Солнечные потоки проникали через старинные цветные витражи. Жанна не помнила, сколько времени она просидела в церкви, наблюдая за туристами и молящимися пожилыми итальянцами. Все женщины были в черных кружевных платках и с четками в руках. Верующие сидели с закрытыми глазами и тихо шептали молитвы. Люди подходили к алтарю, ставили свечу, крестились, целовали святой крест и поклонившись образу, уходили. Иногда заходили иностранные туристы, которые тут же начинали все вокруг фотографировать. При этом казалось, что никто ни кому не мешал. Жанна вернулась в гостинцу. Через двое суток она уехала поездом в Палермо и из вокзала на такси добралась до аэропорта. И уже сидя в кабине самолёта, она почувствовала, что окончательно пришла в себя. Здесь в небе она взглянула на всё происшедшее с ней с чувством иронии. Образ мыслей вернулся на круги своя. Жанны, которая всего лишь пару дней назад раскаивалась и горько плакала, сидя в маленьком номере гостиницы, уже не было. А была снова уверенная в своей непогрешимости и неотразимости молодая самка, которая считала, что у неё между бёдер располагалась золотая жила. Именно так говорила она, поучая своих молодых, неловких и робевших землячек, которые приезжали разными путями в немецкую столицу попытать счастья и заработать денег.

Она пригнулась к круглому окошку самолёта и стала разглядывать прекрасную землю, лежащую внизу. Мысли о том, чтобы бросить грешную профессию и вернуться назад на Родину к родным и близким, которые может быть ждали её, нуждались в ней, прошли как странный и мимолётный сон. Золотой телец снова взял власть над её душой. Городской быт и её проблемы снова плотной стеной обступили Жанну. Надо успеть проплатить счета за квартиру, за коммунальные услуги, купить то и это, позвонить тому и той, встретиться с тем и этим. Суета сует обложили её сознание плотным кольцом. За эти годы Жанна накопила достаточно денег и давно уже задумала открыть свой бизнес, в котором одном она и знала толк. Молодых и красивых девушек для своего заведения в большом городе она найдет быстро. Обучит и проинструктирует, как правильно обращаться с клиентами. Она была уверена, что дело у неё пойдет на лад. «По приезде обязательно встречусь с Кайратом, и чем черт не шутит? Жена ведь не стенка, можно и подвинуть!»- сладко улыбнулась она своим мыслям.

Ставшей родной квартира на холодном первом этаже встретила свою хозяйку разбитым окном и холодным сквозняком. В её отсутствие сюда проникли воры и унесли компьютер, коробки с дорогой косметикой почти на пару тысяч евро. Деньги она хранила в банковском сейфе. Но несколько сотен евро, припрятанных в укромном месте, тоже исчезли. Жанна прибила тонкими гвоздиками шерстяное одеяло на место выбитого стекла. Утепив окно, она стала наводить порядок в маленькой квартире. Уборка заняла довольно много времени и отняла остаток сил. Она почувствовала себя снова опустошенной и разбитой.

На этом Жанна завершила свой длинный рассказ и внимательно посмотрела на тихо сидящую Самару, желая определить, какое впечатление он произвёл на неё. Самара как всегда внимательно выслушала свою землячку, не перебивая, только время от времени попивая молочный кофе из большой белой фаянсовой чашки. Кофе практически остыл и его осталось совсем немного на доньшке. Она подумала, что стоило бы заказать еще одну чашку кофе, но только эспрессо. Как бы угадав её желание, к столику подошел официант и осведомился, не хотят ли дамы еще что-нибудь заказать. Но еда была съедена, кофе и вино выпиты, и Жанне захотелось побыстрее вернуться домой. Её всегда волновали только собственные интересы. Она считала свой закоренелый эгоизм сильной чертой характера. «Нет! Принесите пожалуйста счет!»- заявила она официанту. Самара, взглянув на часы, не стала возражать. Расплатившись за обед, женщины вышли на свежий воздух. Жанна закурила очередную сигарету на ходу, и они пошли в направлении станции метро. Там они расстались.

Прошло холодное лето и на смену ему в Берлин пришла теплая ласковая осень. Берлинцы наслаждались солнечными мягкими днями, как малые дети. Повсюду в парках и на лужайках города можно было видеть сидящих и лежащих на траве расслабленных негой людей. С той встречи Самара и Жанна не виделись довольно долгое время и даже не созванивались. Самара решила снова позвонить своей всегда занятой и легкомысленной землячке и узнать, как у неё идут дела. Но телефон молчал. На гудки никто не отвечал. Только автомат звонким голосом Жанны снова попросил оставить информацию. Самара заколебалась, но не стала ничего говорить автомату.

У Жанны тем временем прошел очередной бурный роман с одним молодым белокурый немцем из Мюнхена. Он прожил в её квартире пару месяцев, и дело казалось шло к долгожданному браку. Он даже повез её знакомиться к своим родителям в Баварию. Но приём оказался очень холодным. Родители парня поставили ему условие, либо он расстается «со своей азиаткой», либо они перестают финансировать его учебу в частном престижном столичном институте. Немного поколебавшись и больше для приличия, как показалось Жанне, он подчинился воле родителей, которые по его словам были «строгими католиками». Получив очередной отказ своим надеждам, Жанна вернулась в Берлин одна. Она снова осталась в одиночестве. И ей так хотелось иметь заботливого мужа и завести детей и наконец-то зажить тихой семейной жизнью. Ей уже шел четвертый десяток и биологические часы начинали громко звонить в её душе, напоминая о главном женском предназначении быть матерью. Жанна вышла из поезда на центральном вокзале и решила пройтись пешком до своей одинокой квартиры. Она шла долго, не замечая вокруг себя других людей, не замечая мелко морозящего осеннего дождя. И проходя по пустынной аллее огромного парка, она подняла голову к небу. Жанна услышала пронизывающий душу крик дикой гусиной стаи, летящей широким клином под грозовыми облаками, на зиму направляясь в далекие тёплые страны. И она заплакала крупными обжигающими слезами, которые смешиваясь с холодным осенним дождём, стекали по щекам на шею. Она остановилась и неотрывно глядела на исчезающую в облаках стаю птиц, летевшую всё дальше и дальше может быть на родину Жанны, и своими криками звавших её за собой в дальний путь к далекому позабытому краю предков к голубому озеру у отрогов Небесных гор.

